

— Ладно, думай что хочешь. Я еду к Тинчжоу. Объясню ему, что секретарь Сун уволена, что всё это было глупым недоразумением, и заберу его домой. — Лу Байюй прошёл мимо брата и бросил через плечо: — Ты едешь со мной.

— Я?! — опешил Лу Цзяхэ.

Отношения с Цзян Тинчжоу у него и так не ладились, а теперь они и вовсе были на ножах.

— Раньше семья ничего от тебя не требовала, — холодно произнёс Лу Байюй. — Тётушка Цинь тебя баловала. А я тебе брат, а не отец, воспитывать тебя мне не с руки. Но перед всей этой историей мы с тётушкой Цинь в один голос твердили: не смей лезть к Тинчжоу. Ты не послушал. Теперь поедешь со мной и извинишься перед ним как следует.

Лу Байюй заранее готовился к отповеди. Он помнил, как во время скандала с семьёй Сюй брат вскипал от одного лишь телефонного звонка. Даже когда вмешивалась Цинь Рушуан, тот упрямо отказывался признавать, что нападать на Цзян Тинчжоу было ошибкой.

Но Лу Цзяхэ уже давно вышел из детского возраста.

Если он не научится держать себя в руках, рано или поздно случится непоправимое. И если бы младший взбунтовался, Лу Байюй затащил бы его в машину силой.

Однако Лу Цзяхэ — то ли от страха, то ли по иной причине — закатывать сцену не стал. Услышав слова «заберу его обратно», он долго молчал, хмурясь, а затем молча развернулся и последовал за братом.

Когда они добрались от офиса Логистической группы Лу до дома Цзян Тинчжоу, Лу Цзяхэ решил, что ошибся адресом.

Он никогда здесь не бывал. Земля у порога была щедро полита водой и превратилась в липкое месиво — не пройти, не испачкав дорожную обувь. Посреди двора стоял немолодой мужчина. В руке он держал за лапы живую курицу. Заметив незваных гостей, он повернулся и спросил:

— Вы к кому?

— Тинчжоу дома? — спросил Лу Байюй.

— А, вы к Сяо Цзяну? — приветливо отозвался тот. — Да он отлучился ненадолго, пошёл за деревянными подпорками. Я ему звякнул, он сказал, калитка открыта, могу во дворе подождать. Минут через десять обещал быть. Вы тоже с ним договаривались?

Конечно нет.

И Лу Байюй, и Лу Цзяхэ были заблокированы у Тинчжоу во всех соцсетях и мессенджерах. Связаться с ним напрямую они просто не могли.

Оба рослые, холёные, они замерли посреди скромного дворика безмолвными изваяниями. Мастер Чжу, будучи человеком добродушным, решил скрасить неловкое молчание:

— Я тут давеча помогал Сяо Цзяну забор подлатать, так он мне вчера баночку своего фирменного соуса с ветчиной поднёс. Жене так пришлось по вкусу, что она так и велела: отнеси парню домашнюю курицу в благодарность.

Мастер Чжу простодушно усмехнулся и качнул птицей:

— Сами в деревне растили. Долг платежом красен, так ведь?

Курица согласно квохнула, совершенно не догадываясь о своей скорой кулинарной участи.

В этих краях все жили просто и открыто. Соседи знали друг друга в лицо, калиток не запирали, заходили запросто и всегда делились домашними гостинцами.

Глядя на деревенского мужика с курицей, Лу Цзяхэ вдруг понял, что пришёл с пустыми руками. В груди шевельнулась паника, и он растерянно покосился на брата.

У Лу Байюя подарок, конечно же, был при себе.

Для него давно стало незыблемым правилом: являться к Цзян Тинчжоу только с подношениями. В квартире в жилом комплексе «Сияющая звезда» целая комната помилась от его щедрых даров.

Пока их связь оставалась тайной, упрямый Тинчжоу изо всех сил стремился к независимости в карьере, однако Лу Байюй незримо контролировал его повседневную жизнь, окружая роскошью.

Кольцо в прошлый раз Тинчжоу отверг? Что ж, он приготовил кое-что другое.

Лу Байюй вспомнил, как Тинчжоу радовался подаренным часам. На этот раз он тоже припас дорогие швейцарские часы — в его машине всегда лежал дежурный комплект элитных безделушек на выбор.

Спустя обещанные десять минут у ворот появился Цзян Тинчжоу, тащивший охапку

свежевыструганных деревянных реек.

За последнее время он неплохо освоил огородное дело и теперь планировал посадить горох и зимнюю тыкву. Старые плети огурцов и тыкв он уже обобрал и проредил, но на их месте потянулись к солнцу нежные зеленые побеги, требовавшие опор. Да и подросшие кусты томатов тоже пора было подвязать.

Заметив мастера Чжу, Тинчжоу тепло улыбнулся и поздоровался.

Старик, сославшись на дела, быстро всучил ему брыкающуюся птицу, обменялся парой слов и поспешил со двора.

Тинчжоу явно был в превосходном расположении духа: лицо его светилось искренней радостью, а в уголках глаз собрались весёлые лучики.

Лу Цзяхэ пересмотрел все ролики, которые выкладывал Ань Сяопин. Раньше он полагал, что всё дело в профессиональных фильтрах и ретуши.

В прежние времена Цзян Тинчжоу никогда так не улыбался — вечно утомлённый, замотанный делами, с печатью бесконечной заботы на лице. Но сейчас, глядя на него вживую, Лу Цзяхэ понял: камера ни капли не врала. Наяву Тинчжоу выглядел даже лучше, чем на экране.

Первым тишину нарушил Лу Байюй.

— Тинчжоу, я...

Стоило ему сделать шаг навстречу, как зажатая под мышкой у Тинчжоу курица яростно захлопала крыльями и попыталась клюнуть дорогого гостя.

Цзян Тинчжоу хладнокровно прошёл мимо него. Он привязал птицу к столбику у калитки, прислонил деревянные рейки к стене и, принявшись неторопливо их связывать, ровно спросил:

— Что вам снова здесь нужно?

— Я пришёл сказать, что секретарь Сун переведена в другой филиал. Это моя оплошность, — заговорил Лу Байюй, стараясь быть убедительным. — Тинчжоу, всё, что она наговорила тебе тогда, — не мои мысли. Ты же знаешь, как сильно я тобой дорожу.

Он ожидал хоть какой-то реакции, но Тинчжоу даже ухом не повёл — его занимали исключительно тыквенные плети и вялые листья огурцов.

— Цзяхэ тоже кругом виноват перед тобой, — продолжил Лу Байюй. — И он здесь, чтобы извиниться.

Лу Цзяхэ сделал шаг вперёд. Его губы дрогнули, но он не знал, с чего начать.

Даже если бы брат не притащил его сюда насильно, ему самому до смерти хотелось выговориться. За годы накопилось слишком много невысказанного. С самого детства, с той давней истории с похищением, через все школьные обиды и каждую их нелепую стычку вплоть до расставания... И лишь теперь, когда Тинчжоу окончательно ушёл, в его собственной голове начало проясняться.

— Я... — выдавил он. — На самом деле я...

Он хотел сказать, что, возможно, никогда не испытывал к нему настоящей ненависти, просто... просто запутался.

Но Тинчжоу прервал его на полуслове, даже не взглянув:

— Лу Цзяхэ, мне не нужны твои извинения.

Возможно, в старшей школе это бы имело значение. Но сейчас время ушло. Просить прощения глупо. Если кто-то совершил ошибку, Тинчжоу предпочитал, чтобы тот платил по счетам, а не сотрясал воздух бесполезным раскаянием.

— Какие бы козни ты ни строил, тебе ни за что не вытянуть проект «На кончике языка», — спокойно отрезал Тинчжоу. — Могу дать тебе лишь один совет: посмотри правде в глаза и трезво оцени свои силы, пока не поздно.

Он повернулся к старшему брату:

— И вам, Молодой господин Лу, тоже не стоит утруждать себя речами. Вы всегда были слишком заняты, поэтому общаться с вами мне приходилось через секретаря Сун. Что именно она там искажала и не договаривала, мне глубоко безразлично. Но вы прекрасно понимаете: дело далеко не в одной лишь секретарше.

Лу Байюй вечно пропадал на работе. О том, что у Тинчжоу неприятности, он узнавал с опозданием на несколько дней.

Для деловых партнёров, ожидавших аудиенции у молодого преемника корпорации по две недели, такая оперативность показалась бы чудом.

Да, рано или поздно Лу Байюй вмешивался и улаживал любые невзгоды — его власти хватало

на всё. Вот только эти несколько дней ожидания порой превращались для Тинчжоу в сущий ад.

Из-за того что Лу Байюй учился за границей и не мог бросить дела, Тинчжоу провёл двое суток в камере предварительного заключения. Из-за очередной неотложной командировки Лу Байюя он в полном одиночестве лежал в больничной палате. И по той же причине — из-за вечного отсутствия хозяина — секретарь Сун осмелела настолько, что решилась на подлость за его спиной.

Кому, как не личному секретарю, знать все привычки своего босса и улавливать моменты, когда тот ослабляет контроль?

Тинчжоу никогда не требовал невозможного. Он не ждал, что Лу Байюй превратится в сказочного спасителя и будет являться по первому его зову.

Поэтому он просто научился справляться сам.

После того памятного ареста Тинчжоу стал осмотрительнее, подавил в себе юношескую импульсивность и обрёл броню. Он совершенствовал кулинарное мастерство и полагался только на свои силы.

"Байюй не врач, — мысленно уговаривал он себя в прошлой жизни, сгорая от лихорадки в больничной палате. — Его присутствие у постели всё равно ничего не изменит".

В этой жизни он успел сам обелить имя управляющего Яна ещё до того, как Лу Байюй отдал приказ зачистить сеть от грязных слухов.

И так повторялось из раза в раз.

В самые отчаянные минуты, когда земля уходила из-под ног, Тинчжоу так и не дождался простых объятий, способных подарить хоть каплю тепла.

Да и с какой стати? Он ведь никогда не был для Лу Байюя главным в жизни.

Чего стоил тайный любовник, чьё существование приходилось скрывать от мира? Даже если бы Тинчжоу позволил себе самую дерзкую мечту — стать законным мужем наследника империи Лу, — работа всё равно осталась бы для Лу Байюя на первом месте. И спорить с этим было бы глупо.

Поначалу пьянящее счастье от того, что его безответная любовь наконец нашла взаимность, затмевало всё остальное. Тинчжоу безропотно сносил одиночество, находя оправдание любому поступку партнёра. Но он, в отличие от холёного старшего господина Лу, не родился с золотой ложкой во рту. Каждый шаг наверх давался ему с боем, сквозь тернии и бесконечные преграды.

Когда подобные вещи случаются раз за разом, любое терпение истощается, а бывшая радость выгорает дотла.

— Секретарь Сун всегда относилась ко мне с пренебрежением, — ровным, безразличным тоном произнёс Тинчжоу. — Вы привыкли перекладывать рутину на подчинённых, и наши отношения незаметно превратились в такую же рутину. Раньше я попросту не смел перечить вашей помощнице, а вы ничего не замечали. Так мы и жили — слепо, по привычке. Но поймите наконец, Молодой господин Лу: мы слишком разные. Рано или поздно вы и сами это признаете.

В прошлой жизни они уже бурно ссорились из-за этого. Тинчжоу тогда в сердцах съехал из квартиры в «Сияющей звезде», и именно тогда он впервые узнал цену дежурным нежностям и запоздалым извинениям, которыми его пытались вернуть.

Жизнь раз за разом доказывала ему одну простую истину: союз людей из столь разных миров обречён на провал.

Лу Байюй заворожённо смотрел на него, но Тинчжоу уже отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Его уход не был следствием мимолётного каприза.

Только сейчас Лу Байюй до конца осознал масштаб катастрофы. И всё же смириться с потерей он не мог.

Ведь ещё не поздно! У них впереди уйма времени, чтобы всё исправить, разве нет?

Сердце Лу Байюя болезненно сжалось, заглушая голос разума. Забыв о присутствии брата, он сделал шаг вперёд, намереваясь схватить Тинчжоу за руку.

Лу Цзяхэ, впрочем, ничего этого не заметил. В ушах у него до сих пор шумело от ледяных слов Тинчжоу, и смысл дальнейшего разговора попросту пролетал мимо его сознания.

Тинчжоу тем временем закончил сооружать шпалеры. Готовые деревянные рамки оставалось лишь поглубже воткнуть в мягкую почву. Плети были ещё короткими, так что он управился за считанные минуты — теперь зелень сама найдёт дорогу к солнцу.

В этот момент над забором раздался звонкий голос:

— Сяо Цзян!

Тётушка Дэн вскарабкалась по стремянке и с любопытством заглянула во двор. Рядом тут же показалась ещё одна голова — это была мама Тянь Хуэй, тётушка Тянь.

— Добрый день, Сяо Цзян! Ой, у тебя гости?

Из-за кирпичной кладки, где не хватило места на стремянке, раздался ещё один голос — Чжоу Лифэн тоже не пожелала оставаться в стороне:

— Шеф-повар Цзян, здравствуйте!

— Это не гости, они уже уходят, — спокойно отозвался Тинчжоу. — Что-то случилось?

— Время есть? — спросила тётушка Дэн. — Мы тут собрались на улицу Утреннего рынка, посмотреть свободное помещение под лавку.

Тётушка Дэн и мама Тянь Хуэй были на редкость радушными и открытыми женщинами, так что Тинчжоу не сомневался, что они поладят с полуслова. Так и вышло: когда тётушка Тянь пришла забрать баночку соуса с ветчиной и принесла Тинчжоу домашних пельменей, она столкнулась у порога с соседкой — и они заболтались до самого обеда.

Чжоу Лифэн сейчас как раз помогала на кухне у Дэн. Она годами стояла у плиты, поэтому мгновенно переняла рецепт Тинчжоу и уже вовсю готовила партии соуса для школы Ань Сяопина и коллег Тянь Хуэй.

Собственной большой посуды у Чжоу Лифэн не водилось. По счастливой случайности тётушка Дэн как раз прикупила целый свиной окорок и попросила её приготовить соус, пообещав взамен предоставить кухню для выполнения остальных заказов.

Но бесконечно ютиться в чужом доме было нельзя. Рано или поздно делу требовался собственный угол.

— Я знаю одно местечко, которое как раз пустует, — оживлённо закивала тётушка Дэн. — К тому же, Сяо Цзян, наша пекарня тут новый рецепт слоёных лепёшек освоила. Хотела предложить тебе на пробу. Ты у нас кулинар знатный, если одобришь — значит, новинка точно пойдёт на ура!

Тинчжоу как раз закончил с подпорками, а грядки полил ещё утром. Свободного времени у него сегодня было достаточно.

— С удовольствием, — улыбнулся он.

В животе как раз призывно заурчало. Тинчжоу сполоснул руки под уличным краном и направился к калитке.

Лу Байюй преградил ему дорогу, отчаянно пытаясь вернуть ускользающее внимание:

— Тинчжоу, постой...

— Молодой господин Лу, я всегда с уважением относился к вашей работе, так проявите же уважение к моей, — сухо оборвал его Тинчжоу. — У меня есть дела. А теперь я попрошу вас обоих покинуть мой дом.

Сейчас ему больше всего на свете хотелось попробовать свежую выпечку. И это было единственным, что действительно имело значение в эту минуту.

Лу Байюй ещё мгновение загораживал дорогу, но под прямым, ледяным взглядом Тинчжоу медленно отступил в сторону. Голос разума шептал, что силой он сейчас ничего не добьётся.

— Тинчжоу, всё поправимо, — тихо, так, чтобы слышал только он один, произнёс Лу Байюй. — Просто поверь мне.

Он сделал паузу и твёрдо добавил:

— О расставании даже не думай. Я никогда не дам на это согласия.

<http://bllate.org/book/19956/1995122>